

В схватке с любимым врагом

Контroversальное интервью Олега Ростовцева ([«Мы не часть Украины, мы и есть Украина», №1, 2015](#)) вызвало предсказуемый шквал откликов. Оно и понятно, нечасто спикер одной из крупнейших еврейских общин страны (хоть Олег и подчеркнул, что выступает как частное лицо) столь резко и откровенно высказывается по поводу наиболее острых общеукраинских и общееврейских проблем.

Поскольку у взглядов автора столько же непримиримых оппонентов, сколько и ярых приверженцев, попробуем отделить зерна от плевел.

Разумеется, многие связывают позицию Днепропетровской еврейской общины с деятельностью г-на Коломойского, но вопрос, имеем ли мы дело исключительно с проявлением нового украинского патриотизма или тонкой интуицией и трезвым бизнес-расчетом (которых в последнее время так не хватает г-ну Ахметову), мы оставим открытым. Если Коломойский и подстегнул некие общественные процессы, то они уже давно живут своей жизнью, не всегда работая на первоначальный замысел. Так, например, ленинопад, начавшийся после Революции достоинства, на мой взгляд, не приближает освобождение от советского прошлого, а лишь отдаляет его. Ибо снос лениных — такой же фетиш, как их возведение. И вандализм лишь проявляет линии раскола, беря уже начавшие рубцеваться раны. Понятно, что для многих эта зловещая фигура — символ тоталитаризма, но еще больше тех, для кого Ленин и его памятники — просто часть жизни, такой вот непростой жизни, которая клонится к закату. Да, эти люди пребывают в плену иллюзий — так дайте иллюзиям уйти вместе с ними, не надо поднимать их на щит, борясь с покосившимися ветряными мельницами, а не с реальным врагом.

Казалось бы, за последний год украинское общество очень быстро повзросло, поэтому удивляет детская реакция власти на реальные или

надуманные вызовы. Взять, например, скандал с новогодним эфиром «Интера», который Олег считает не политическим, а общественным давлением. Оно бы осталось таковым, если бы секретарь СНБО Турчинов не направил в Национальный совет по вопросам телевидения и радиовещания письмо с требованием аннулировать лицензию на вещание этого канала. Я даже не говорю о том, что Александр Валентинович не может давать Нацсовету каких-либо указаний, что подтвердит любой медиа-эксперт. И не напоминая, что в новогоднюю ночь 5 (пять) украинских телеканалов транслировали концерты российских звезд, в том числе «1+1», где отметился Олег Газманов.

Мне просто оскорбительно думать, что Газманов с Валерией даже при поддержке Кобзона могут подорвать украинскую государственность. Учитывая, что они в тот вечер в эфире «Интера» и не пели. Не нравится российский «Огонек» — переключи канал (что я, например, и сделал) — это, а не окрик сверху, и называется общественным давлением. Все остальное — попытки построить в Украине «Россию наоборот» — и это, действительно, опасно, поскольку тянет страну в реальное советское прошлое, а не желанное европейское будущее. Константин Федин в свое время заметил, что будь в СССР опубликован «Доктор Живаго» тиражом в 5-10 тысяч экз. — никакого скандала бы не случилось. Но нет, та страна загоняла себя в глухой угол, внутренне не веря в свои идеалы и в собственную правоту. Это происходит и сегодня — достаточно посмотреть на информационную политику РФ. Все это так, но мы-то, — Украина, — *другие*. Во всяком случае боремся за право быть другими, платя за это — как страна и как народ — огромную цену. Ради того, чтобы просто поменять плюс на минус? Не абсурд ли?

Соседняя держава приложила максимум усилий, чтобы Украина почувствовала себя «не Россией». Вместо того, чтобы воспользоваться этим подарком, новая элита пытается втиснуть новые символы в старые схемы. На днях наш «главный по культуре» — Вячеслав Кириленко — предложил снести памятник Щорсу, заменив его изваянием Петлюры. Сильный ход, знакомый. Разумеется, это проще, чем задать обществу и продемонстрировать самим новые стандарты свободы выбора, прозрачности, культурного и ментального плюрализма — все то, что мы называем европейскими ценностями. Все то, что не укладывается в российскую вертикаль отношений между властью и обществом.

В чем должна проявляться наша инакость? Не в том, чтобы, как призывает Олег Ростовцев, перейти на латинский алфавит — это будет выглядеть искусственно и натужно. Первый памятник украинской письменности — Пересопницкое Евангелие — не латиницей писан, и не одна из систем украинского правописания (а их насчитывается до 50) не базировалась на латинском алфавите. Становлению Соединенных Штатов не помешал общий с метрополией язык, как не помешал он Ирландии, веками отстаивавшей свою независимость от Британии, Мексике, в ходе кровопролитной войны освободившейся от испанского владычества, и десяткам других стран. Можно прийти в Европу и с кириллицей, как это сделали болгары и как собираются сделать сербы, — если поставить цель прийти в Европу, а не просто убежать от России.

Что касается убежать или победить... Прозвучавшее в интервью предложение не только вступить в НАТО, но и «создать иной, более активный военный союз против нынешней России» эмоционально понятно. На Востоке — война, и мы знаем с кем. Президент Путин так переубедил украинцев, большинство которых еще год назад, согласно опросам, не видели свою страну в НАТО и наивно полагали, что военное вторжение со стороны России — из области фантастики. К сожалению, как пел Дима Билан, — невозможное возможно, но при этом от географии ни нам, ни России никуда не уйти, и призыв к постепенному прекращению всех связей с агрессором хорош лишь в краткосрочной перспективе. Как и отсылка в интервью к советско-финской войне, не вполне уместная хотя бы потому, что не линия Маннергейма и «боевой дух финских героев» спасли Финляндию от оккупации, а переданный СССР Выборг в придачу с Карельским перешейком и контролем над

акваторией Ладожского озера. Что касается послевоенного периода, то термин *финляндизация* стал нарицательным в международной дипломатии, означая уступки слабого государства более сильному соседу для сохранения национального суверенитета. За этот суверенитет Финляндия заплатила не только полным нейтралитетом (о вступлении в НАТО и речи не шло) и отказалась от своих прав на Карелию, в этой западной стране иногда запрещали американские фильмы и книги, которые могли рассматриваться как антисоветские! Сознаю, что все это не добавляет оптимизма уверовавшим в возможность военной победы над Путиным, но не признавать, что у проблемы нет простого решения, значит быть слепцом. Ни в коем случае нельзя поднимать лапки, но разве не реалистичнее заставить врага заплатить максимальную цену (политическую, экономическую, имиджевую) за свою агрессию, чем разгромить его на поле боя? Эта война асимметрична, где силы сторон определяются не только и не столько военным превосходством. Главным поражением Путина станет привлекательная Украина, страна, живущая по другим, отличным от России, правилам. В этом смысле, например, погашение Укрнафтой, фактическим владельцем которой является г-н Коломойский, долга государству и продажа президентом компании ROSHEN станут не только проявлением уважения к закону, но и патриотическими актами, демонстрирующими «жизнь по-новому», расставанием (снова бросим взгляд на Россию) с евразийством и византийщиной.

Если кому-то все вышесказанное покажется конформизмом, то не скрою, что в одном аспекте я выступаю даже с более радикальных, чем Олег Ростовцев, позиций. Речь о праве еврейских общин иметь и озвучивать собственное мнение по общенациональным политическим вопросам. Не надо вводить в заблуждение общество, имитируя еврейское единство по всем пунктам украинской повестки дня. Евреи, как и украинцы, могут придерживаться полярных взглядов, объединяясь ради этого в те или иные организации, в том числе и на национальной основе. Никого в США не удивляет активность таких структур, как Республиканская еврейская коалиция или Национальный еврейский демократический совет, имеющих филиалы по всей стране. Просто тысячи людей решили, что *как евреям и как американцам* им важно поддержать одну из двух ведущих партий, чья идеология *как евреям и как американцам* им импонирует. Подобно этому существуют *еврейские* ассоциации в поддержку сексуальных меньшинств или *еврейские* группы за запрещение аборт, члены которых совмещают свое понимание еврейских

ценностей с активной гражданской позицией.

И если завтра где-нибудь в Донецкой области, откуда родом Иосиф Кобзон, появится его еврейский фан-клуб — это нормально. Что абсолютно не означает, что все евреи Украины являются поклонниками творчества Иосифа Давыдовича, а тем более разделяют его политические симпатии.

Возражения предсказуемы — война, требующая единства рядов, плохо сочетается с плюрализмом, либеральными ценностями и правом на особое мнение. Но в том-то и штука, что исход этой войны в конечном итоге определит не военная мощь, а цивилизационное преимущество. Другими словами, желание и готовность украинцев жить в открытом обществе, объединенном более глубокими ценностями, чем противостояние «любимому врагу». Любимому потому, что очень похож он на нас вчерашних. Да только ли вчерашних? Ответ очевиден, поэтому доказывать, что Украина — не Россия, придется не только на поле боя...

Михаил Гольд, редактор